

Аркадий Мурзаев

**ДВЕРЬ
ОТСЮДА**

18+

Аркадий Мурзаев

Дверь отсюда

«Автор»

2026

Мурзаев А.

Дверь отсюда / А. Мурзаев — «Автор», 2026

Альтернативная версия России, недалекое будущее. В уездном городке бесследно исчезает сверхсекретный стратегический объект. Разобраться в случившемся посылают сотрудника столичного сыскного ведомства. В ходе тайной миссии он сталкивается с чередой странных, невозможных и даже мистических событий.

© Мурзаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог 1	5
Пролог 2	7
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Аркадий Мурзаев

Дверь отсюда

Пролог 1

— Все что вы здесь видите, — профессор показал на большую белую доску, покрытую цифрами, знаками и символами, написанными убористым почерком, — не более как фрагмент уравнения великой неопределенности. Если очень кратко и просто: любое изменение любой переменной в любой части уравнения приводит к изменению абсолютно всех остальных переменных. Здесь много весьма занятных вещей с точки зрения различных разделов высшей математики, но эти частности мы оставим для продвинутых ценителей чистых абстракций.

Профессор положил маркер, которым он писал уравнение, на небольшую полочку под доской, прошелся вдоль доски и еще раз оглядел все написанное, а затем уселся, развалившись, в кресло, стоящее на кафедре в стороне от доски. Слегка поерзав, принял максимально удобную позу. Закинув руки за голову, обвел глазами небольшой амфитеатр, где сидело чуть больше пятидесяти студентов.

— Великий Галилей как-то сказал, что математика — это язык, на котором Бог написал вселенную. То есть, все эти значки, — профессор опять показал на доску, — позволяют нам, если мы их сможем правильно прочитать, понять божественный замысел и увидеть реальное устройство нашего мира. Точнее, мы сможем создать модель, которая позволит установить причинно-следственные связи всех событий, определить исчерпывающий перечень всех факторов, повлиявших на это событие, и установить иерархию этих влияний.

Худощавый молодой человек с длинными волосами, собранными в хвост, поднял руку, профессор кивком головы разрешил ему задать вопрос:

— Скажите, профессор, а в чем тогда неопределенность, если мы можем точно установить все причинно-следственные связи, приведшие к любому событию?

— Хороший вопрос. — Профессор потер руки, будто мыл их. — Во-первых, как я уже сказал, изменение одной переменной меняет все остальные, а значит, мы имеем дело с неопределенным количеством возможных вариантов развития событий. А во-вторых, мы не можем однозначно утверждать, что к колонизации Луны привело именно извержение вулкана 300 миллионов лет назад, а не наоборот колонизация Луны стала причиной извержения вулкана за 300 миллионов лет до этого.

После этих слов сразу же несколько рук взметнулось вверх.

— Подождите, я примерно догадываюсь, что вы хотите спросить. Отложите ваши вопросы до семинара с профессором Тейтельбаумом, он больший специалист, чем я в вопросах темпоральности. Могу лишь сказать, что если допустить наличие замысла, например божественного, то многие события вполне могут быть причиной того, что им предшествовало, а не следствием. Вы хотите выпить чаю и включили электрочайник. Факт включения чайника является причиной того, чтобы предварительно прошла целая цепочка событий, начиная от изобретения электричества и заканчивая производством самого чайника. И будет странно утверждать, что вы включили чайник только потому, что он каким-то образом в результате множества хаотических событий вдруг случайно появился неизвестно откуда. То есть именно наличие замысла, когда определен конечный результат, объясняет незыблемость физических законов, которые гарантируют нам получение этого определенного результата, а набор факторов неопределенности или вариативности влияет на степень вероятности того, что именно этот результат будет получен в конкретный временной интервал. Вы можете включить или не

включить электрочайник, но, если вы его включите, вода всегда будет нагреваться, а не замерзать или превращаться в томатный сок.

Профессор потянулся к невысокому столику, стоявшему рядом с креслом, взял кружку-термос и не торопясь что-то отпил из нее.

— Итак, — продолжил он, опять максимально удобно развалившись в кресле. — Что же мы еще видим, читая это уравнение? То, что наша вселенная состоит из неопределенного количества частей, может равных друг другу, что еще не очевидно, и эти части соотносятся между собой, если очень просто, как объект и его отражение в зеркале. Но как вы уже должны знать, отражение не в полной мере соответствует отражающемуся объекту. Почему? — обратился он к студентам.

— Потому что в силу законов оптики, в зеркале меняются право и лево, то есть правая рука отражается как левая и наоборот, — подняв руку, выпалил черноволосый юноша в круглых очках.

— Если очень просто, то да, только меняются местами не только руки, а, например, направление движения и так далее. То есть объект и все что с ним происходит отражается в зеркале, но полного совпадения нет. А чем сложнее объект, тем менее тождественным ему, при всем внешнем сходстве, будет отражение, поэтому расхождения могут быть гораздо более серьезными, чем подмена правой стороны левой. Например, одно и тоже понятие дружбы может иметь в этих мирах разное наполнение: то, что недопустимо у нас, может быть нормой там, и так далее.

Профессор опять изменил позу и задумался почти на полминуты, одновременно давая студентам возможность осмыслить уже им сказанное.

— Так вот, — продолжил он восторженно. — А причем здесь великая неопределенность, опять же спросите вы? — И профессор опять оглядел студентов. — Как вы понимаете, объект первичен, отражение вторично, изменения объекта приводят к изменению отражения, соответственно обратное действие, когда изменения отражения приводят к изменению объекта невозможны. — Профессор выдержал драматическую паузу в несколько секунд и продолжил: — Великая неопределенность в том, что никому не известно какая часть вселенной реальна, а какая всего лишь ее отражение, и тем более не известно, где на самом деле находимся мы.

— Профессор, мы же сами решаем что, как и когда делать? Значит мы в реальной части мира! — перебил преподавателя спортивного вида молодой человек, вставший с места.

— Да? А откуда вы это знаете? Вы пьете чай с господом Богом? Откуда вы знаете, что те желания или порывы, которые движут вами, не возникают в результате воздействия объекта на свое отражение? Особенно в случаях, когда вы очень затрудняетесь объяснить, почему вы поступили именно так. Или у вас не было странных и нелогичных поступков, или случаев неадекватного поведения? Например, как сейчас, когда вы весьма бесцеремонно меня перебили?

Молодой человек молча сел на свое место.

— Вернемся к физике. Очень условно, это явление можно назвать параллельными мирами. Сколько их, два или больше? Как они взаимодействуют? Может, они связаны и происходит взаимное отражение и взаимное влияние? Реальный мир только один, а все остальное его бесконечные отражения, или эти миры все реальны и в тоже время отражены? Никому это неизвестно, есть лишь только гипотезы. Как, впрочем, и весь принцип неопределенности с отражающимися мирами — это тоже всего лишь гипотеза. Хотя я не исключаю, что где-то в другой части вселенной очень похожий на меня профессор читает лекцию похожим на вас студентам, только уравнение он писал левой рукой. На сегодня все!

В аудитории раздались аплодисменты восхищенных студентов. Профессор встал из кресла и театрально раскланялся.

Пролог 2

Аскетичный кабинет, из возможных по статусу излишеств — только бар в виде глобуса в дальнем углу, чтобы его как можно меньше было видно с того места, где обычно стоят визитеры, не удостоенные чести сидеть за большим из темного дерева столом. Судя по потертостям на паркете, гораздо большему числу посетителей приходилось здесь все-таки стоять, а не сидеть. — Добрый вечер, Силин, — хозяин кабинета вынырнул из небольшой малоприметной дверки, которая вела в так называемую комнату отдыха. Возникло ощущение, что он там мыл руки. Силину всегда было любопытно, что на самом деле находится в этих комнатах, но ему всего лишь в четвертый раз за все пятнадцать лет службы в Надзоре довелось побывать в кабинете, где есть вторая дверь. А уж о том, чтобы заглянуть в заветные пенаты, даже не могло быть и речи. Тем временем хозяин кабинета откатал рукава, застегнул манжеты белой рубашки и заправил их за обшлага темно-синего форменного сюртука с еле различимым в полумраке кабинета серебряным шитьем, которое казалось потемневшим от старости. Усевшись за стол на кожаное кресло с высокой черной спинкой, он нетерпеливо махнул Силину, что-то типа: чего стоишь, садись, давай! Силина удивил этот жест — обычно в таких кабинетах его за стол еще не приглашали. Он даже на несколько секунд замешкался, боясь, что неправильно понял хозяина кабинета. Тот удивленно глянул на подчиненного и с легкой усмешкой, но очень тихо, почти на грани шепота сказал: — Силин, давайте без лишних церемоний, садитесь ближе, разговор будет очень серьезный. Силин торопливо подошел к столу для совещаний, за которым стояло по четыре стула с каждой стороны. За это время он успел придумать, что лучше всего будет сесть на второй стул от стола хозяина кабинета. Это, с одной стороны, позволит держать обязательную по статусу дистанцию, но в тоже время и не слишком отдаляться от руководства, показывая тем самым свою неуверенность. Стул неожиданно оказался настолько тяжел, что Силину пришлось серьезно напрячься, чтобы оторвать его от пола и не скрежетать ножками по паркету. — Я уже некоторое время с определенным удовольствием наблюдаю за вашей деятельностью, Силин. — Так же еле слышно и почти скороговоркой начал разговор хозяин, как только Силин уселся на край стула, пытаясь как можно ровнее держать спину, так чтобы создавалась впечатление, что он сидит по команде «Смирно!». — Просто удивительно, что наша воспитательно-образовательная система все еще может производить на свет людей способных думать головой, а не задницей. Столько лет ее пытаются довести до совершенства, а она все равно дает такие непонятные сбои. — Наша система образования одна из лучших в мире, господин флагман-кум! — Ну да, ну да... Но я вас, Силин, позвал не для того, чтобы рассуждать о достижениях нашей Шараги будущего. Дело, которое я хочу вам поручить, прямо скажем очень необычного свойства. Чтобы в нем разобраться, нужно именно то качество, которым вы обладаете — нестандартность мышления, поэтому хоть вы и служите в Надзоре, но придется поработать немного на Кумовство. Надеюсь, вы мне не откажете. — Слегка усмехнулся флагман-кум. — Готов умереть ради братвы! — Давайте обойдемся без ненужных церемоний. — Флагман-кум взял папку с обложкой из потрепанного серо-желтого картона и стал ее просматривать, проговаривая в полголоса, — Ну, надо же, двадцать второй век, а все еще на бумаге личные дела храним А почему? Потому что все написанное на бумаге не может исчезнуть просто так. Исправить незаметно тоже не выйдет. А все эти нейросети, ячейки памяти, облачные ресурсы Одним словом виртуальность, она и есть виртуальность. При умелой работе можно даже устроить так, как будто и Отца Родного никогда не было, но, к счастью, это невозможно. Потому что Отец Родной есть и будет руководить весь свой положенный срок. Силин слегка замялся на стуле, принимая более удобную позу. — Терпение, Силин, терпение Дело настолько странное, что, если я прямо вот так вот выложу вам его суть, вы решите, что флагман-кум съел с крыши. Именно так я сам подумал о тех, кто мне передал эту папку. Я потратил три дня,

целых три дня, чтобы убедиться, что это не тупой развод дуболомов из местного Надзора. Они даже кровь на дурь сдавали под видом медосмотра! — Голос флагман-кума из тихого полупешота начал переходить на более повышенные тона, стало проступать его явное раздражение. — На вот, сам почитай, что они тут намалевали! Исходя из полученных документов следовало, что в некоем уездном центре примерно три недели назад бесследно исчез крупный промышленный объект. Пока Силин внимательно, но максимально быстро листал дело, включая 3D-фотографии, позволявшие увидеть некоторые виды городка в объеме и перспективе, хозяин кабинета снял форменный сюртук, повесил его на спинку кресла и остался в белой рубашке, у которой расстегнул верхнюю пуговицу и манжеты. Затем он подошел к большому окну, из которого открывался вид на ночной город, сияющий разными огнями. С явным удовольствием засмотрелся на пейзаж, одной рукой держась за холодное стекло, а другой, поглаживая себя по короткому сидящему ежику большой, с выпуклым лбом, головы. Невольно кинув взгляд на фигуру флагман-кума, Силин отметил, что, не смотря на возраст, тот вполне еще держит форму: синие с широкими красными лампасами брюки, хоть и поддерживались для вида синими же подтяжками, сидели на нем вполне ладно, показывая, что традиционный для многих руководителей высокого уровня пивной живот, в данном случае еще не появился. — Ну что, посмотрел? — флагман-кум оторвался от окна и нетерпеливо повернулся к Силину. — Здесь нет самого главного: видеозаписи с камер наблюдения. Наверняка, как минимум, несколько из них захватывали объект во время происшествия. — Вот! Правильно! Но вся беда в том, что этот хренов объект, который стоял на виду у всего города и каждый мог помочиться на его забор, оказывается, был сверхсекретным! А потому все камеры наблюдения были установлены так, чтобы он категорически не попадал в объектив, ни частично, ни даже на самой общей панораме! Дебилы, блин! Поэтому топтуны Надзора, видите ли, осуществляли визуальный контроль над объектом, обходя его дважды в день по наружному периметру! Слава Богу, хоть так, а то об его исчезновении мы бы до сих пор не знали! — Наружные ладно, а внутренние? — Силин, если бы все было так просто, я бы вас не звал. Это было бы вполне себе местечковое дело, бригада дуболомов и пяток нормальных нюхачей и все уже закончилось бы. Но ситуация в том, что у нас нет ничего о том, что и как произошло на самом деле. Есть две точки: до и после. Вот объект стоит, — он подошел к Силину за спину и взял у него из папки одну из голограмм и кинул на стол. — А вот его уже нет, и все Как и не было, исчез к ядерной фене! — Флагман-кум кинул на стол вторую фотку. — Ну ладно завод исчез, хотя это тоже огромный вопрос, как и куда. Несколько сотен мужиков там пахало. И все, блин уцелели, и никто ничего не помнит!? Никто ничего не видел!? Стены, оборудование, сырье, готовая продукция просто сгинули, провалились, хрен знает куда!? Так еще вместо него появилась церквушка! Ну, ладно, объект исчез, допустим, сгорел, взорвали, растащили, то есть просто тупо уперли, но в чем смысл церквушку взамен ставить? Что это за идиотский троллинг? — Извините, брателло флагман-кум, это часовня. — Да какая на хрен разница! — В часовне нет алтаря, и не служитя литургия. Извините, я привык обращать внимание на все детали. — Ну ладно, пусть часовня, и что это нам дает? — То, что, экономический эффект от часовни гораздо ниже, того уровня доходов, который может обеспечить полноценный храм. Поэтому в случае реального корыстного умысла не зачем было размениваться на часовню. Судя по всему, поп, на которого вешают кражу объекта, был реально ни при делах. Просто шел и зашел. Как это и записано в его показаниях. — Это очевидно Силин. То, что местный Надзор тулит горбатого, пытаясь крайним сделать попа, будет понятно даже самому отможенному крестнику из уездной терочной избы! Если, конечно, батюшка не редкостный чудотворец. Ну а дальше-то что? — Дальше надо внедряться в местное сообщество и собирать детали для восстановления ретроспективы событий, выстраивающихся в причинно-следственную закономерность. — То есть, восстановив ретроспективную закономерность, мы сможем выйти на того, кто это все затеял, и понять, как он это смог проверить? — В общих чертах именно так, уважаемый брателло флагман-кум.

— Умно, умно Но сложно. Хотя, а как по-другому? Поэтому запомни, дорогой мой человек, ты не можешь не справиться с этим заданием, просто не имеешь права! Этот объект настолько важен, что ты просто не представляешь все его значение. Я даже не могу предположить, кто мог бы стоять за его исчезновением, а также с какой целью это было сделано. Поэтому, давай, собирайся и в поле! Смотреть, слушать, вынюхивать, в конце концов! — Что должно стать итогом моего расследования?— Это хороший вопрос! Ну, во-первых, ты официально никакого расследования не ведешь. А во-вторых Нельзя тупо искать крайнего, чтобы просто на него все повесить. Я хочу реально понять, что там произошло. Мне нужна правда, пусть даже самая безумная. Категорически никаких контактов с местными смотрящими, или сотрудниками Надзора. Они делали все возможное, чтобы скрыть факт пропажи. Я не понимаю, зачем им это понадобилось, но, если бы не мой человек на месте, мы бы до сих пор не знали о случившемся. Судя по всему, они будут очень искусно врать, потому как им свои зады надо спасать, и может быть они будут очень сильно мешать. Так что об этом деле знает очень ограниченный круг людей. Для твоего руководства ты поехал в Дубинино на спецкурсы повышать квалификацию. И еще Я надеюсь, тебе хватит ума не только разобраться в происшедшем, но и не скрывать от меня даже малейшей детали. — Флагман-кум пристально посмотрел Силину прямо в глаза. Ощущение легкого нокдауна: темно-серый свинец вызвал почти физическое чувство удара. — Сколько у меня времени?— Горячки пороть не надо, но к утру, чтобы было готово. — Флагман-кум устало улыбнулся: — А если серьезно, постарайся уложиться в пару недель. Если справишься — будет тебе большой вкусный пряник, ну а нет так на нет и пряников нет. Удачи тебе! На этой фразе флагман-кум неожиданное для Силина протянул ему руку. Он впервые удостоился рукопожатия с таким высоким чином. Это в какой-то степени даже польстило.

Глава 1

Когда это все началось, Савелий Игнатьев, которого многие знакомые называли Кляксой, уже несколько лет являлся авторизованным уездным живописцем, что позволяло ему на законных основаниях зарабатывать себе на хлеб художественным искусством. Нельзя сказать, что он был гением, но писал картины вполне добротнo, с определенной долей таланта, хотя и особо не выделяясь из когорты таких же как он уездных художников. Ему была чужда откровенная халтура, и, даже получая левые заказы, он стремился выполнять их качественно, на своем уровне мастерства. Иногда Савва промышлял пейзажами местной речки Грязюхи, в которых умудрялся находить что-то поэтично—элегическое. Кроме этого, писал портреты по выходным в уездном центре, располагаясь на мостовой проулка возле хаты уездного смотрящего. Там в порыве раядения за культурное развитие уездного центра и в качестве отчета о рачительном расходовании общака, воткнули четыре фонаря, стилизованных под древнюю городскую старину, да еще вкопали (чтобы не украли) пару чугунных лавочек, тоже подо что-то стилизованных. Эти малые архитектурные формы дали повод искренним уездным патриотам поименовать данное пространство на столичный манер: «Наш Променад». А чтобы этот променад еще больше был похож на столичный, уездные власти провели перепись всех имеющихся в наличии живописцев, и составили из них график, когда они должны являться на променад со своими работами. Игнатьев входил в третий список, это давало ему возможность бывать на «Променаде» три раза в месяц по четвергам и один раз в субботу. В отличие от множества своих коллег по мольберту он никогда не пропускал будних дней, хотя выручка обычно даже не покрывала расходов на проезд. Он, Савва, к деньгам, а точнее к их отсутствию, относился очень легко. Бывало, в самые тяжелые времена он вдруг получал на карту какие-то кэшбеки или бонусы, которых ему вполне хватало перебиться несколько дней. Так вот, его больше вдохновляла возможность посидеть на лавочке в уездном центре и поглазеть на людей. Он жил примерно в тридцати верстах от уездного центра в небольшом поселке деревенского типа Овощная горка, где он знал в лицо почти всех 2798 взрослых жителей. И где он уже успел написать портреты всех желающих. Вообще Савва из всего многообразия жанров предпочитал именно парадный портрет, который позволял ему раскрыть глубокий внутренний мир героя, поэтому он так любил бывать на Променаде. Каждый раз он мог видеть какое-то количество незнакомых лиц, а иногда еще удавалось набросать чей-нибудь фас или профиль. Правда, Савве приходилось работу тут же отдавать заказчику, о чем он серьезно жалел, так как лишался возможности доработать портрет по-настоящему, в масле, на большом холсте в торжественной раме. Так вот, все началось в среду, сразу после старинного праздника Дня Великого уединения. Накануне, пользуясь праздничным днем, Савва сходил, как обычно, на пленэр, и произвел на свет три очередных пейзажа: Грязюха на рассвете, Грязюха в солнечный полдень и Грязюха в лучах заката. Причем каждый раз на полотне менялось не только время суток, но и сам пейзаж. Если бы не знать, что это одна и та же речка, то могло показаться, что первый пейзаж был писан на берегу великой и могучей реки, другой берег которой терялся вдали, и лишь восходящие солнце могло обозреть ее по всей ширине. Второй — появился благодаря визиту творца в горы, заснеженные склоны которых нависали над бурным потоком, а третий был явлен миру из луговых низин, находящихся в стадии половодья. Старинный приятель Саввы дед Трофим, который был заядлым рыбаком, а потому очень не любил врать и богатой фантазией не обладал вообще, появлялся на берегах местной водной артерии так же часто, как и Савва. Но в отличие от художника его главной целью было в очередной раз проверить, а не появилась ли случайно каким-то чудом в речке рыба? Для чистоты эксперимента он забрасывал в воду не менее трех удочек (одной он ловил на червя, второй — на мотыля, а третьей — на хлебный мякиш), глянув на пейзажи, удивленно крикнул:— Савка, ну ты

даешь! С одного места стоял, а как будто полземли объездил!— Это, дед, называется сила художественного воображения. Посмотрел я на нашу речку, и силой воображения перенесся туда, куда захотел.— Ты смотри, сила воображения! Раньше проще говорили: что хочу, то и малюю. А теперь вот оно что придумали! Сила воображения! Да ежели каждый станет себе воображать то, чего на свете нет? Ведь таких пизажев на самом деле нема? А люди будут думать, что натуру покупают! — Поскольку клева на речке, как и рыбы, не было уже лет 50, дед Трофим до чрезвычайности любил обсудить какую-нибудь сложную и важную тему. Не брезговал он и теорией изобразительного искусства.— Дед, а вот какая разница для тебя, есть такой пейзаж на самом деле или нет? Ну, нет его, я его выдумал. И что с того? — Старик задел Савву за живое.— А вот то: посмотрел наивный обыватель твое художество и понял, что нет ему жизни, если он этот пизаж в живье не увидит. Приедет сюда вот и что увидит? Что его опять надули? Да за его же денежки? — Ну, вот с чего это он сюда поперется? А даже если и приедет? Река — одна штука есть? Берега — две штуки, где? В наличии! А все остальное — так я же не фотограф! Я художник, значит, имею право на собственное видение изображаемой природы, будь то природа, либо неодушевленные предметы, либо существа живые, включая человека.— А по мне, все это жульничество и мошенство! В мои времена ты бы Савка давно бы уже на общественных работах бы горбатился, а не кисточкой размахивал!— Абсолютно не сомневаюсь, дед. Даже знаю, кто первым на меня донос бы в управу написал!— Ну и кто?— А ты бы и написал. Не так? — Савва тщательно вытирал кисти и не смотрел в этот момент на деда, который просто побагровел от услышанного.— Нет, мил человек, тут ты промашку дал. Я бы на тебя бумаги тратить не стал. Я бы тебя самого за шкварник в надзор притащил! Прямо самым дуболомам на массаж сдал бы в живом, как говорится, весе!— Ну и многих ты так в Надзор перетаскал, добрый старик? — тут Савва наконец поднял голову и посмотрел на Трофима. Его поразило налитое ненавистью морщинистое лицо. Казалось, дед готовился ринуться на Савву, как на заклятого врага, в рукопашную.— Ты вот так вот, значит, отребье не благодарное?! Мы с тобой сколько моей самогонки выпили? А ты теперь меня западлом и стукачом делаешь?— Дед прости, фигня приключилась, не подумав ляпнул!— А иди-ка ты, Саввушка, в пень! Я тебя знать не хочу после этого! Все было в жизни, но никогда Трофим Рогов никого не сдавал и на лоха не разводил! А это я про твою мазню говорю, которую ты втюхивать лохам будешь! — Дед, ну это же сила искусства, ну как тебе объяснить, если это есть в моей голове, значит, оно для меня существует, а если оно где-то реально есть, но в моей голове нет никакого представления об этом, значит, для меня оно не существует.— Ты мне тут баки не забивай! В нашей речке уже более четверти века ни одной животины не водится, и как ты ни рисуй, как ни воображай, а поймать я ничего не поймаю, не появится здесь рыба, хоть вывернись, хоть все краски свои потрать! Ничего здесь ловиться не будет! Вот и вся сила твоего искусства! Вот и вся правда в твоей мазне! Жулик, разводила, лохотронщик! — Дед плюнул в сердцах, бросил со злости удочки и поковылял, прихрамывая на левую ногу, по пыльной тропинке в сторону поселка. — Дед, ну чего ты все к рыбе своей свел, я же тебе не про это говорил! — Крикнул Савва в уходящую спину.— Вот когда нарисуешь мне рыбу, чтобы она тут ловиться стала, тогда и поговорим! — Ответил старик не поворачиваясь.— Ну ладно, нарисую я тебе рыбу. Устанешь из воды вытаскивать!— Вот иди и рисуй! Тоже мне хренова сила искусства нашлась! Не то что бы Савва сильно обиделся на Трофима, где-то в душе он его даже жалел, потому как без рыбалки дед своей жизни не представлял, а без улова он был постоянным предметом насмешек поселковых острословов, которые реально доставали своим зубоскальством старика. Но какая-то горечь в душе осталась. Главным образом от того, что, глядя правде в лицо, Трофиму он помочь ничем не мог. Да, если бы он действительно мог бы рисовать так, чтобы оно появлялось в жизни, но кто же так сможет С такими грустными мыслями Игнатъев вернулся с холстами и мольбертом домой, чтобы вскоре отойти ко сну. Проснулся он как обычно в начале 7 утра. Утро выдалось по-летнему погожее, и день

радовал новыми возможностями, открывавшимися перед живописцем. Для начала он решил поупражняться в натюрмортах. Окинув довольно критическим взглядом всю окружающую обстановку, он принялся соорудить композицию под условным названием «Летний завтрак». Жил Игошкин, прямо скажем, небогато, если не сказать еще пряжей — почти на черте бедности. И не только потому, что род его занятий не располагал к извлечению значительных доходов. Ему самому по натуре корысть не то, что была чужда, он просто не успевал о ней думать, увлекаясь различными идеями на тему искусства. Это каким-то непостижимым образом сразу же улавливали представительницы лучшей части человечества. И потому даже самые озабоченные замужеством дамы сторонились его общества и недопекали всякими женскими штучками на предмет склонения к сожительству с перспективой дальнейшего бракосочетания. Сам Савва как-то решил, что так ему останется больше времени для художественного творчества, а потому об этом особо не переживал. Так вот, обстановка его была не только небогатой, но и с явными признаками холостяцкого бытия, что самого хозяина абсолютно не тяготило. В небольшой, но светлой комнате, которая была одновременно его спальней, столовой и мастерской, значительной место занимал старый дубовый стол. Изрядно напрягшись, Савва переставил его с центра комнаты к большому окну, которое соединяло пространство его обитания с заброшенным садом. Открыв окно на обе створки, он впустил в комнату весь набор запахов и звуков окружающей среды. Затем перебирая кусками черствого хлеба, полосками заветрившейся колбасы, полупустой банкой кабачковой икры и различной домашней утварью в виде посуды, он минут 10 соорудил композицию. Получив что-то среднее между мусорной кучей и макетом городских новостроек, он удовлетворенно посмотрел на произведение своего труда, и подвел итог стараниям, поставив большую жирную точку в виде закопченного чайника, здраво рассудив, что даже летний завтрак без чего-то горячего не обходится. Через несколько минут на холсте стали проступать контуры пищевого изобилия. Черствая горбушка белого кирпичика превратилась в роскошный подовый каравай. Он отрезал от него большой ломоть и намазал солнечно-желтым деревенским сливочным маслом, а сверху прикрыл вызывающую наготу масла вишневым вареньем, которое небрежно стекало с одного бока ломтя тонкой струйкой на стол, но еще его не касаясь, так как это бывает, когда кто-то спит на краю постели и свешивает ногу вниз. Три жалкие пластинки краковской колбасы из субпродуктов он превратил в нежно розовую ветчину. Она была желанна как источник вечного пищевого наслаждения и в тоже время монументальна, как береговой утес, показывая таким образом, что истинные ценности не имеют ничего общего с эфемерностью. Полупустая банка кабачковой икры силой его воображения, преобразилась, как Золушка перед балом, воплотившись в хрустальную икорницу. Он щедро набросал солнечных бликов на ее грани и совсем было уже решил наполнить ее черной, как гудрон паюсной субстанцией, но поразмыслив и решив, что тогда простой летний завтрак превратится в летний завтрак олигарха, стыдливо наполнил икорницу на две трети красными шариками лососевой икры. Завершалась композиция изящным кофейником (закопченный чайник) с легким парком над носиком. Каждый, кто взглянул бы на полотно, тут же понял, что кофе настолько горяч, что еще булькает в недрах кофейника, распространяя вокруг нежнейший аромат черного молотого правильно сваренного кофе, а не той растворимой сажы с водой, которую стали привычно употреблять в последнее время. Ну и еще он скорее баловства ради, нежели по необходимости трансформировал две старые миски: одну — в вазочку с тем самым вишневым вареньем, что самоотверженно пыталось собой прикрыть наготу сливочного масла, а другую — в нежно кремовый (в тон с кофейником) молочник. Ибо если он действительно готовил бы себе такой завтрак, то, безусловно, предпочел бы оттенить молоком вкус кофе. Савва так вдохновенно работал над натюрмортом (во многом его вдохновение опиралось не только на фантазию, но и на реальное чувство голода), что даже не заметил сколько у него времени ушло на то, чтобы в целом завершить композицию. Он небрежно прорисовал на заднем фоне

открытое окно и борьбу света с тенью в заброшенном садике, решив потом доработать, и стал размышлять, кто бы мог у него приобрести данный холст. Поселковый кабачок вряд ли потянул бы покупку в виду скудности получаемых доходов. Может попытаться в уездном центре пристроить? А что? В целом-то неплохо получилось. Можно даже в столовой у уездного смотрящего повесить! Но эту мысль он от себя отогнал, как греховную. Ибо всем было известно, что в канцелярии уездного смотрящего что-то даром взять еще могли, но заплатить за это хоть сколько денег такого прецедента еще не было, и как говорят злые языки, сам смотрящий категорически запретил таковые создавать в будущем. Савва обдумывал перспективы своего творения, машинально жуя большой ломоть белого хлеба, покрытого маслом и вишневым вареньем, который он совершенно автоматически взял со стола, искренне думая, что он жует черствую горбушку с остатками краковской колбасы из субпродуктов. А поскольку это были последние представители пищи телесной в его доме, то размышления о судьбе его натюрморта были весьма актуальны. И только когда его пальцы стали ощущать что-то непривычно липкое и тягучее, что плавно, по-улиточному, уже ползло вниз через ладонь к запястью, он вернулся в реальность. Несколькими мгновениями спустя он ощутил, что рот жует явно не черствую горбушку с колбасой на грани протухлости. Последним из всех чувств включилось зрение. Именно тогда Савва с глубоким удивлением заметил, что держит в руке точно такой же ломоть хлеба с маслом и вареньем, который он нарисовал несколькими минутами ранее. Другим, но уже более неприятным открытием стало то, что варенье не только растекалось по руке, но и обильно закапало его рубашку, одну из немногих бывших в наличии, и на тот момент единственную чистую. Поскольку Савва, представитель рода врачей в пятом поколении, не мог даже подумать, чтобы ходить в грязном, он кое-как пристроил бутерброд на мольберте, и побежал застирывать рубашку, памятуя, что чем свежей пятна, тем легче от них избавиться. Когда он вернулся в комнату, набросив сырую рубашку на плечи (чтобы быстрее сохла), он наконец-то осознал, что тот запах, которому он поначалу не придавал особого значения, это был аромат горячего черного кофе. Что его буквально потрясло. По своему опыту он знал, что все органы чувств могут обманывать кроме обоняния. Чтобы не происходило, нос всегда стоял на страже истины и никогда не позволял себе отойти от правды жизни. Когда Игнатьев рисовал цветочную клумбу на месте мусорной кучи на общепоселковом пейзаже, заказанном для каких-то высоких гостей поселковым старостой, только нос упорно ему твердил, что на самом деле скрывается под кустами роз на его холсте. Именно поэтому сам Игнатьев считал, что тот пейзаж вышел у него крайне неубедительным. Хотя заказчику понравился настолько, что он даже пообещал как-нибудь отблагодарить творца при первой же возможности. Именно запах кофе заставил Савву внимательно оглядеть свое жилище. Он сразу же заметил, что композиция, которую он раскладывал из бытовых отходов на столе для натюрморта, стала поразительно походить на его же картину, стоявшую неподалеку. Сходство было просто потрясающим. Настолько, что если бы он не помнил из чего изначально складывал композицию, то согласился бы с тем, что картина была вторична, а не первична! Сперва его посетила мысль о чьем-то дурацком розыгрыше. Он даже выглянул из окна, пытаясь найти следы шутника, который подложил ему эти продукты. Но следов не было. Да и потом, вмешался в дело здравый смысл, насколько же потянет все это, включая икру? Разве что икра была не настоящая. Он опасливо взял икорницу и понюхал результат жизнедеятельности семейства лососевых. Пахло рыбой, и что уже как-то говорило в пользу ее подлинности. Впрочем, тут его удивление подверглось мощной атаке со стороны любопытства в союзе с обычным голодом. И он принялся исследовать полученный продуктовый набор на вкус, и самое главное — на запах. Спустя, примерно, получасового бурного насыщения, которое плавно перешло дегустацию, он подвел некоторые итоги: ветчина собой являла прочное единство формы и содержания, то есть вкус соответствовал ее виду и был божественен. Но лучше всего получился хлеб с маслом и вареньем. А вот икра явно подкачала, вернее, Савва ожидал от нее чего-

то большего, чем он получил на самом деле. Вполне возможно потому, что, рисуя ее, Савва больше полагался на воспоминания когда-то виденных изображений, нежели на реальный опыт ее потребления. Вполне надегустировавшись, он решил испить кофею. Это достаточно простое и понятное желание столкнулось с некоторыми трудностями. Как не пытался он отыскать хоть какую-то плошку под кофе, он не мог ничего найти: все бывшие у него стаканы, которые он задействовал в свое время для построения композиции, чудесным образом исчезли, дав место новым предметам. Он уже было совсем отчаялся, и хотел хлебнуть горячий напиток прямо из носика кофейника, но рассудил, что в этом случае ему будет достаточно сложно смешивать кофе с молоком. Вдруг его накрыло какое-то странное чувство удивительной легкости и просветления, как будто откуда-то извне к нему пришла подсказка на сложный вопрос. Повинуясь этому чувству, он бросился к холсту и наскоро набросал контур кофейной чашки. Глянув на стол, он увидел, что там явно проступил призрачный силуэт посуды. Несколько минут ушло на то, чтобы прорисовать чашку максимально реалистично. Получив, таким образом, вожделенный предмет, он тут же наполнил его кофейно-молочной смесью. Кофе был действительно хорош! Неспешно потягивая горячий и бодрящий напиток, Савва предался своему любимому занятию — полету мысли. Любой другой, так сказать нормальный человек на его месте, не найдя рационального объяснения случившемуся, уже терзался бы в подозрениях о настигшем его сумасшествии. Но Савве такие мысли были чужды. Он как-то сразу воспринял то обстоятельство, что теперь с помощью кисти совершенно непостижимым образом может влиять на реальность, делая нарисованное настоящим. Собственно говоря, у него было стойкое ощущение, что всю предшествующую жизнь он шел к тому, чтобы обрести эти способности, и вот они наконец-то открылись! Самое главное, что его занимало сейчас: где лежат пределы его невероятных возможностей? А сколько еще второстепенных идей и мыслей роилось в его голове! И он решил, что есть только один способ получить хоть какие-то ответы — экспериментировать. В течение ближайших двух часов он точно установил, что на его новые способности не влияют замена холста, красок, кистей, изменение местоположения мольберта, а также несоответствие нарисованных предметов их настоящему виду. Так он получил зеленый хлеб и ярко-синее масло. Но пробовать их не стал, потому как запах от них был с явными тошнотворными тонами. Затем он решил проверить свои силы на живой натуре. Первое существо, ожившее в тот день в мастерской, была странная птица, которую Савва про себя называл почему-то туканом. О туканах он помнил только то, что у них несоразмерно большой клюв, что он и нарисовал. От творческого процесса его отвлек громкий стук, с которым опустился клюв ожившего псевдотукана. Клюв оказался настолько несоразмерным с остальным телом птицы, что она была вынуждена волочить его по полу, издавая весьма неприятный скрип. Несколько попыток несчастного создания взлететь, закончились тем, что оно почти вертикально зависало над собственным клювом, не имея сил оторвать его от пола. Когда птица в очередной раз обреченно упала на пол, Савве показалось, что она посмотрела на него с явным укором, а потом из большого коричневого глаза вытекла слеза. Художник тут же кинулся к мольберту и многократно уменьшил клюв. Как выяснилось, внесенные правки помогли. Птица не только смогла наконец поднять голову, но и взлететь, после чего тут же кинулась в открытое окно. То ли Савве показалось, то ли на самом деле из открытого окна донеслось язвительное: «Мордописец!». После этого первого неудачного опыта Савва, отметив свою слабость в изображении животного мира, решил на крупных млекопитающих не экспериментировать. Вероятно, именно это спасло его родные края от нашествия слонов-фантомов и львов-мутантов. Ибо сложно даже предположить, кого могла явить на белый свет его необузданная фантазия. Изрядно попрактиковавшись на бабочках, воробьях, мышках и различных растениях, Савва устало прилег на диван, бывший его кроватью. Его кипучая натура жаждала настоящего дела, на котором он мог реально проверить только что обретенные чудесные способности. ИВ тот самый момент, когда он мучительно думал,

что же ему предпринять, вдруг через открытое окно донесся знакомый кашель деда Трофима, который вероятно в это время ковылял на вечернюю зорьку, верный своему долгу караулить появление рыбы в Грязнухе. Вспомнив вчерашний разговор, Савва резко вскочил и стал собирать все необходимое для пленэра. Его посетила идея, поразившая своей глубиной! Закончив сборы за несколько секунд, он кинулся догонять деда Трофима. Дед хоть и шел неспешно, прихрамывая на левую ногу, а догнать его Савва смог только уже на самом берегу, когда он принялся разматывать удочки и колдовать над наживкой. Запыхавшийся художник, который не мог похвастаться отличной физподготовкой (да еще притащивший на себе ящик с красками и мольберт), несколько минут, пока не отдышался, так и не смог объяснить старику, чего он от него хочет. Дед только косился на него слегка удивлено, продолжая заниматься приготовлением к рыбалке. Наконец, когда дыхание выровнялось, Савва еще больше удивил старика своим напором:— Дед, дедушка, дедулюшка! Старичок ты мой родненький, голуба сизокрылая, сколько ты еще копать будешь? Пожалуйста, закидывай удочку, сто чертей тебе на крючок! — понятное дело, что Савву распирала жажда художественного поиска, потому ему не терпелось скорей взяться за кисти.— Тьфу, холера масляная, дай хоть червя насадить, не терпится ему видите ли Это милок не ко мне, это тебе в нужник общественный надо бежать, что на автостанции открыт. Закидывай удочку, разорался! Когда надо тогда и кину, и вообще, хорош орать — всё рыбу распугаешь! — Подогретый, прямо скажем, хамским поведением живописца, дед Трофим в пылу полемики запомнил, что рыбу в Грязнухе распугать практически невозможно, ввиду ее полного отсутствия.— Старый, хватит бухтеть, если хочешь в старости еще хоть раз поймать карася, закинь удочку и замри на 40 минут! — Ради карася, я удочку закину, но ежели там ничего болтаться не будет, я тебя вместо карася в ведро посажу и старухе своей на уху притяну!— Болтаться дед, будет обязательно. Не одно так другое!— Хорошо, поглядим, поглядим! Дед, сверкнув злым газом в сторону Саввы, так размахнулся удочкой, что поплавок приводелся почти что у другого берега. Первые минут двадцать прошли в тишине. Старик старательно, как велел ему Савва, делал вид, что подсекает и тянет удочку из воды, а Савва старательно, легкими мазками в духе отечественной школы художественного реализма проявлял на картоне портрет рыболова на фоне речной природы. Первым не выдержал Трофим, которого экзерсисы с удочкой привели в благодушное расположение:— Саввушка, а чего это ты вздумал меня опять рисовать? Ты же мне два портрета одиночных и один совместный с бабкой уже сделал, чего это я тебе опять понадобился? Только смотри, мне платить нечем, сам знаешь, пенсия невеликая нынче— Дед, не рисовать, а писать, художники пишут, рисуют бабы, когда бедрами виляют. Денег мне с тебя не надо, а рисую потому как надо очень, потом сам узнаешь зачем.— А че, может тебе кто портрет ветерана заказал, так я, как натура, в доле, ты это попомни, как выручку получишь, хоть чем-то отблагодари старичка, а то у меня уже и ноги затекли, почти час как на тебя тут молча стою, словно гипсовый, вместо того чтобы рыбу ловить Тут случилось то, чего старик ждал около 30 лет с таким же вожделием, как молодой солдатик ждет дембеля, но именно в тот момент, когда дембель накрыл служивого со всей неизбежностью, он оказался морально к нему не готов. Трофим, ощутив долгожданную поклевку, от неожиданности выронил удочку из рук и остолбенел с широко открытым ртом и выпученными глазами. Удочка чуть было не упала в воду, ее спас Савва, кинувшийся за ней, да так, что споткнулся и упал руками и лицом в прибрежную грязь, накрыв удилище своим телом. — Дед, ну ты че, ерш твою медь, удочку держать уже не в силах?— Ты, Савва, не злись, я наверно приболел, не ругай старика, сам ведь таким станешь в свой час. Мне, понимаешь, поклевка почудилась. Я вот думаю, это от дрожи в руках или что с головой стало? А ты как скажешь? Неужели у меня с головой расхождение наметилось? Что же теперь делать? — Жалобно забормотал Трофим. В его часто замигавших глазах явно наметились слезы.— Что делать? Сначала возьми удочку в руки, а я пока помоюсь. — Савва вставил изумленному деду удочку в руки, а сам отошел в сторону, за

кусты, где вода была почище, чтобы смыть грязь. Он был уверен, что пейзаж еще не готов, поэтому ничего страшней поклевки психическому здоровью деда не угрожает. Скажем честно, где-то глубоко в душе совесть его покалывала, но он даже не мог предположить, что результат опыта, в котором он лично не сомневался, окажет такое впечатление на старого рыбака. От самоанализа его отвлек душераздирающий крик, что-то среднее между мартовской песней кота и широко известным воплем «рыба!» в игре домино. Источником звуковых колебаний, судя по всему, был Трофим, поскольку сам Савва точно не кричал, а больше было некому. Кое-как обтерев мокрые руки о траву, он через кусты кинулся к одиноко кричавшему рыбаку. Трофим держал удочку высоко поднятой вверх, на конце лески, где обычно покоились с миром ни в чем неповинные червяки, болталось нечто рыбоподобное примерно с ладонь взрослого человека. Карась болтался, удочка дрожала в руках ошалевшего рыбака, Трофим орал то ли от радости, то ли со страха. Сразу сообразив, что старик впал в ступор, и будет орать как сигнализация, которую заклинило, Савва схватил ведро, которое Трофим неизменно брал с собой для того, чтобы складывать вероятный улов, зачерпнул речной воды и окатил старика с ног до головы. Тот сделал несколько глотательных движений, встряхнул головой, и хоть удочки из рук не выпустил, по глазам его стало видно, что его разум потихоньку возвращается на привычное место. — Дед ну ты чего? Рыбы никогда не видел? Чего так орать? — Саввушка, родненький, вот веришь, я уже стал думать, что умру, а ничего больше не поймаю. Я же тут последнего карася выловил, когда мне лет 10 было, меня папаня, покойник, еще прозвал Терминатором, мол, это ты всю рыбу в Грязнухе уничтожил. Как же это так получается? Тут же вода такая, что даже огород поливать нельзя, как же здесь этот карасик выжил? Может его полечить надо? А может он ядовитый, или опасный? — Вода тут теперь нормальная, иди сюда дед, я сейчас тебе все объясню. С более сложной задачей Савва в своей жизни еще никогда не сталкивался, даже когда рисовал портрет жены поселкового старосты. Тогда пришлось решать сразу две взаимоисключающие задачи: убрать с ее поверхности лишних килограмм пятьдесят жировых отложений, но при этом сохранить абсолютное портретное сходство. Старик упорно не соглашался верить в подлинную причину случившегося, поскольку объятия бытового материализма оказались гораздо крепче, чем убедительность наблюдаемых фактов. Но тут выяснилась еще одна любопытная деталь, упущенная было в процессе рыболовства, — дед перестал хромать на левую ногу. Его походка стала ровной, хоть на парад со знаменем иди. Именно этот факт стал самым решительным аргументом в пользу Саввиной правоты. Если появление рыбы еще как-то могло объясниться с точки зрения бытового материализма, то внезапное исцеление по-другому истолковать не получалось: рисуя деда на скорую руку, Савва забыл, что он хромает на левую ногу, да и потом как это было показать на картине, на которой тот стоял на месте? Впрочем, дед не особо обиделся рассеянности живописца, и под конец всей этой истории уже трудно было сказать, что его радовало больше: чудесное исцеление или долгожданное и не менее чудесное появление рыбы в речке. Для верности он еще пару раз закинул удочку в воду и оба раза вытянул что-то трепещущее, что по его классификации соответствовало подлещику и чухони. Окончательно придя в себя, он даже заметил некоторые легкие изменения в окружающей среде: — Глянь, Саввка, а вода-то как бы почище стала, уже не мазутная, а даже где-то почти прозрачная, и камыш постройней стал, не такой чахлый, слушай, так и ива на том берегу года три как сухая стояла, а сейчас как елка зеленая, и речка вроде пошире стала. Вот чудеса! — Дед, да я тебе сколько говорил: никаких чудес, просто так нарисовал и все. — Игнатъев вдруг ощутил прилив необычайной усталости. — А ну дай посмотри! — дед же, судя по всему, переживал прилив энергии. Он тут же кинулся к мольберту и стал детально анализировать Саввино произведение: — Ну понятно, синей краски добавил, вот вода и чище стала, а зелень на иву не ту положил, у ивы более ядреный цвет, а тут какая-то береза вышла, да и берега у речки были другого цвета — я этот цвет знаю прекрасно, почитай тридцать годков на мазутоперегонном заводе оттрубил, это цвет марки ТС — 18,

потому как ТСМ — 7 с вороним отливом, как мокрая шкурка у черного кота, так он же и лучше был гораздо, а потому его в речку мы не сливали, он у нас по сотенной за бочку шел, когда им зарплату выдавали. А тут у тебя берег какой-то коричневый. Это ты неправильно нарисовал Савва! Мы ничего коричневого кроме дерьма не вырабатывали. Это ты против действительности погрешил! Хороший ты художник, ну вот не можешь, чтобы не приврать чуток против истины!— Дед, это простая глина, ты че, позабыл, как глина выглядит? — облако усталости, окутавшее Савву, стало чуть реже и у него появились силы перечить народному искусствоведе. — Как выглядит глина, я не позабыл, но тут же берега почти полвека мазутом пропитывались! Не могут они быть коричневыми, и все. А ты нарисовал!— И что от этого хуже стало?— Да вроде нет, даже воздух не такой смрадный, как обычно, того и гляди голова скоро закружится от его чистоты.— Дед, я тебе такое чудо сотворил, а ты мне даже спасибо не сказал! Ну, вот кто ты после этого?— А ты, чудотворец хренов, на людскую благодарность не рассчитывай! Народишко-то у нас по большей части похабный, бедной жизнью задавленный. Прознают про твои способности картины оживлять, они же тебя как тузик грелку порвут! Это мне кроме рыбы ни черта уже по старости не надо, а вот остальным? Кому дом, кому машину, а кому сиськи пятого размера! Вот так и будет! Попомнишь ты еще мои слова, Савва. Я про твою чуду никому не скажу, а ты будь осторожен, боюсь, не будет теперь тебе житья! — Злой ты все-таки, дед Трофим!— Не я такой, жизнь заставила. Как будешь добрым со всеми без последних портков останешься! Люди все отберут и еще обругают, что мало дал! Поживешь с мое, сам узнаешь.— Дед, ты просто брюзжишь от старости, кроме сволочей и негодяев, есть куча нормальных людей. — Спорить по большому счету, яростно опровергая доводы старика, у Саввы не было ни малейшего желания.— Наверно есть, только где они? Потом меня еще попомнишь, а я с того света приду специально и спрошу: ну что, Савелий, кто оказался прав? Я, глупый старик, повидавший жизнь, или ты, умный живописец, ни хрена, кроме красок не знавший?— Дед, прекращай, какой еще на фиг тот свет! Ты же сто лет проживешь! Лучше скажи, чего рыбу не ловишь?— Успею, слушай, чудотворец, а ты можешь нарисовать мне осетрика? А то все караси, да подлещики!— Дед, два часа назад ты бы полжизни отдал за пескаррика, а теперь тебе осетра подавай!— А вот такая, Савва, человеческая натура и есть, как мешок с дыркой, чем больше кладешь, тем пустее.— Ну ладно, будет тебе осетрик, с икоркой небось хочешь?— Да какая икра, тут хоть бы плавничок обсосать, вспомнить, как она пахла в ушнице, царская рыбка как-никак.— А тебе, дед, доводилось осетров ловить на уху?— Что ты, родной, осетра тут даже при царе Горохе не водилось. Бывало отец — покойник, царство ему небесное, притаскивал хвостов с головами, его сестра, тетка значит моя, заведовала буфетом в столовой губернской управы. Так что нам иногда по праздникам перепадало с господского стола.Слушая старика в пол уха, Игнатьев пытался вспомнить отличительные черты семейства осетров, виденных им когда-то в детских книжках, и достоверно передать их на холсте. Но как он не пытался, как не смешивал краски, пытаясь угодить назойливому ихтиологу, как не подправлял облик невиданного существа, стараясь придать ему сходство с фантазиями деда Трофима, осетр или правильной то существо, которое он рисовал под чутким руководством старика, оживать не хотело и в реальности не появлялось. Сколько времени ушло на борьбу за анимацию осетра, было непонятно. Уже стали появляться первые предвестники летнего заката, а чудо-рыба все не появлялась.И тут Савелия осенило! Он нарисовал несколько примитивных существ, похожих на гигантских бабочек, и они тут же закружили на поляне рядом с ними.— Вот всякое насекомое недоразумение — это пожалуйста! А нарисовать осетрика старому больному человеку — это фиг вам! Пусть соцзащита рисует, нам молодым талантам не до пенсионеров!— Извини дед, но вот так. Я понял, в чем фишка — на заказ, когда рисуешь, картина не оживает.— Это как?— Вот если бы я сам твоего осетра нарисовал, то он бы выпрыгнул тебе из воды прямо в руки. А раз ты попросил, то все, чудесная сила в этом случае не работает— Ты же мне сейчас в лицо плюнул: мол, как ты старый чего

попросишь — фигушки тебе, ничего не получишь! Эх, спасибо, вот уважил! — дед что-то еще бубнил не членораздельное себе под нос, пытаясь всевозможной рыбешкой утешить свои страдания по осетру. Савва ощутил не только легкую обиду от неблагодарности старика, но и вполне ощутимый голод, ибо с момента завтрака, когда впервые была зафиксирована его удивительная способность, прошел уже почти целый день, и реально надо было подкрепиться. Недолго думая, он нарисовал мангал с несколькими шампурами сочнеего, шоколадного цвета мяса, каравай хлеба, вязанку всевозможной зелени и несколько лоснящихся от спелости запретно-красных помидор. Мясо источало такой невероятный аромат, что казалось, даже черви, лежавшие в старой консервной банке, зашевелились в попытке ползти на запах. Только дед Трофим был непреклонен в своей обиде, явно чувствуя аромат жаренного мяса, он придал своей спине еще более гордый и независимый вид. — Ладно, дед, хорош дуться, давай пошамуем чуток, а то во рту зубы застоялись без дела. — Спасибо Вам, товарищ Игнатъев, что о немощном старичке позаботились, да мне тут бабка с собой спецпаек дала, язва желудка, знаете ли, только диетическое положено. — Пытаясь сохранить фасон, дед ответил, не повернувшись к Савве. — Ну как хочешь, а я тут чекушку нарисовал, думал, мировую разошьем — Это был удар в запретное место. Даже со спины было видно, как дед сглотнул. Еще секунд 10 шла безмолвная борьба деда с желанием примириться. Победила, как и положено, дружба. — Ну ладно, раз мировую надо распить, то отказываться не по-людски. Давай, Савка, наливай ее проклятую, хоть раз в жизни нарисованной водки попробую. Без долгих разговоров, Савва распечатал бутылку, которую он точно воспроизвел со старинного плаката, посвященного борьбе с алкоголизмом. Плеснул по пол граненки каждому, без долгих предисловий стукнули стаканами, молча, как и положено залпом, пролили жидкий огонь в глубину организма. По стенкам внутреннего пространства пробежалась огненная волна, породившая приятное тепло в самом его центре, откуда оно растеклось по всем членам и частям человеческого тела. Хорошо, блин! Они тут же схватили по шампуру еще горячего мяса и стали его разрывать зубами, дабы с помощью протеина поддержать это приятное тепло. Молча, ибо замирение — это процедура серьезная, не предполагающая всяких тостов и пустого трепа, которые обычно сопровождают мужское застолье, они еще пару раз плескали водочную жидкость в граненки и стукали стаканами, прежде чем отправить очередную порцию горячего в топку организма. Если и есть у хорошей водки недостаток — то он только один: быстро кончается, причем в самый неподходящий момент! — Хороша зараза! И как ее только пенсионеры пьют! — Наконец-то заговорил Трофим. — Ну, спасибо тебе, Саввушка, уважил. Ты прости меня старого дурня! Такой день ты мне сегодня чудный подарил, а я тебе всякой дряни наговорил. — Да ладно, дед. Я тоже хорош, подвергнул твой старческий рассудок испытанию. Мог бы тебя предупредить про эксперимент. — Не, ты не думай, это даже хорошо, что не сказал, а то мало ли что! Кстати, ту еще мяско осталось, может еще чекушечку изобразишь? — Дед, ну вот что ты сейчас сделал? Мы из-за чего поссорились? — Из-за чего? Да мы и не сорились, так размолвка вышла и все, мы же мировую распили, а после мировой сам знаешь, кто старое помянет — Я не про то. Помнишь, как осетрик у меня не получился? — Ну да, я же тебя попросил, а он и не пошел, потому как по заказу твоя сила не рисует — А сейчас ты что сделал? — Ну, чекушку попросил тьфу — Тут до Трофима наконец-то дошел смысл происходящего, — ну прости меня старого дурня. — Мгновенно старику пришла простая, но спасительная мысль: — А ты попробуй, сделай то, что я просил, но не совсем то, но такое же примерно. — Не совсем то, но такое же примерно? Ты, о чем? — Ну как о чем! Я тебя, что попросил нарисовать? А ты и нарисуй, чтобы можно было также использовать, но не то, что я просил! — Ааааа! — Тут до живописца наконец дошла простая народная мудрость, как можно обойти любое запретное положение. Где-то с полчаса Игнатъев пытался изобразить весь ряд известных ему крепких спиртных напитков. Коньяк, бренди, виски, кальвадос, граппа, ром, джин, текила, чача, перцовка, зубровка, табуретовка

Таинственная сила была непреклонной и ничего алкогольного явить не позволила, зато как бы в насмешку она без труда сотворила с помощью Савиной кисточки костерок с котелочком, в котором побулькивал невероятно ароматный чаек, настоянный на чудесных лесных травах.— Ну что ж, чай так чай — примирительно согласился Трофим. — Все лучше, чем ничего!— Да и тебе так лучше будет — все-таки язва, — попытался, как бы извиниться Савва. — А ты знаешь, походу ты мне и язву выправил. Ибо столько мяса умял и почитай полбутылки водки выкушал, а хоть бы что! Сурьезная у тебя сила образовалась Савка. Но извини за прямоту, сила хоть и сурьезная, но с придурью! Вот почему она по заказу делать ничего не хочет?— Не знаю. Наверно есть какой-то тайный смысл в том. Может потом и поймем когда-нибудь? И они еще долго сидели, любуясь закатом, попивая душистый чаек и ведя неспешную беседу. В частности, Трофим долго развивал тезис, что когда водка во времена его деда вся была государственной, так она была не только вкусней, но и полезней для здоровья, чем потом, когда отменили госмонополию и всем разрешили бодяжить спирт. Что и доказала любовно воспроизведенная Игнатьевым бутылка «Столичной», внешний вид которой дед помнил с еще тех далеких уже почти сказочно-былинных времен.

Глава 2

Силин смотрел в окно электропоезда. По стеклу змейками стекали струйки дождя. Он уже давно не ездил с терпилами в одном транспортном средстве. Вся проблема была в том, что этот хренов Козлодрючинск, или как там его, куда он должен был попасть по поручению флагман-кума, находился крайне неудобно. Не слишком далеко, чтобы лететь, и не слишком близко, чтобы ехать на машине. И потом в данной ситуации его машина могла бы только привлечь к нему ненужное внимание со стороны ненужных ему людей. Из всего многообразия наземных транспортных средств он выбрал старую добрую железную дорогу. Делая свой выбор, он не подозревал, что железка такая старая, а вот добра там не осталось даже на грош. Как устроившись в дребезжащем вагоне у окна в кресле с протертым и местами прорванным покрытием, для чего ему пришлось растолкать пару десятков претендентов на это же место, он с тоской глядел на проплывающие довольно странные пейзажи. Очаги явного процветания и зажиточности причудливо и хаотично чередовались с зонами полного запустения и убожества. Странно, что в это время года пошел дождь. Обычно в конце лета стоит сухая и жаркая погода, но тут явно что-то пошло не так. Силин с трудом пошевелился, пытаясь расположить как можно удобней затекшие ноги. Но это было сделать крайне сложно: на противоположном кресле, стоявшим лицом к нему, развалился наглый гопник, лет двадцати. По его хамскому выражению лица, с которым он смотрел на Силина, когда тот только усаживался на свое место, стало ясно, что он только и ждет повода для конфликта. Обычное дело: начать ссору в вагоне, от слов быстро перейти к драке, а дальше возможно два варианта, оба, прямо скажем, нерадостные. Либо у гопника здесь есть сообщники, и они быстро включаются в свару с целью прошерстить карманы жертвы. Либо этот урод работает на местных топтунов, и тут можно ждать еще больших проблем вплоть до подброса тройной дозы, и тогда все прелести долгого и нудного разбирательства в Тыкве с перспективой «комфортной» ночевки там же. Ни первого, ни второго варианта Силин не боялся, но в обоих случаях линейная логика развития событий вела к тому, что ему придется представляться, доказывать свой статус, посылать малявы в столицу за подтверждением, что означало бы полное саморазоблачение и провал миссии, порученной ему флагман-кумом. Поэтому Силину абсолютно не тарахтело раскрывать себя в первый же день задания из-за какого-то полудурка. Приходилось терпеть. Шел уже пятый час пути, вагон скрипел, тарахтел и дрожал в такт стуку колес. Гопник приснул, став в этом состоянии каким-то по-детски беззащитным. Из полуоткрытого рта показалась тонкая струйка слюны. «А ты, дружок, оказывается, на психотропах сидишь!» — подумал Силин. Ему сразу стало ясно, что его попутчик мелкая шестерка из разветвленной дилерской сети, распространяющей дурь среди низов городского населения. Сдать бы его топтунам между делом, за одно и ответочка бы вышла гопнику за хамство. Но Силин решил не разминиваться по мелочам, и опять в который раз попытался по удобней расположить затекшие ноги. — Всем приготовить ксивы к осмотру! — раздался зычный голос в конце вагона. Пассажиры, было утомившиеся и замолчавшие, закопошились, послышался легкий говорок. Силин глянул на гопника и увидел, что тот явно не собирается выходить из своего эйфорического состояния. Тем не менее, патруль дорожных топтунов подходил все ближе. Силин достал свою карту, вернее одну из тех, которую он брал с собой на задания под прикрытием. Его ксива не заинтересовала начальника патруля в звании младшего бродяги. Он без особого энтузиазма прислонил ее к определителю, машинально сверил фото Силина, появившееся на экране, с оригиналом, и так же машинально отдал карту обратно владельцу. Только когда его взгляд перешел на гопника, что-то хищное, до боли знакомое Силину, мелькнуло в глазах патрульного. — Эй! Давай просыпайся, чучело тупорылое, а то станцию проспичь! — один из рядовых топтунов проявил инициативу и довольно сильно пнул гопника по ноге. — Опаньки! Мусора! — Возникло впечатление, что пришедший

в себя молодой человек даже как-то рад этой встрече.— Ксиву давай! — второй рядовой топ-тун слегка пихнул в бок вставшего гопника.— Секундочку! — детина полез рукой с неожиданной белой кожей в карман, вытаскивая оттуда стопку различных пластиковых карт. Внезапно одна из них ярко красного цвета отделилась и выскользнула из общей стопки, вниз, на пол. Силин был настолько уверен, что все участники этой мизансцены заметили падение красной карты, что не стал даже смотреть, куда она приземлилась, а только переставил свои ноги поудобней и уставился в окно, по стеклу которого причудливыми змейками стекали струйки дождя. Он настолько ушел в себя, наблюдая за водными струйками, что только через некоторое время ощутил некоторый дискомфорт, вызванный разгорающимся поблизости скандалом. Пропустив завязку действия, он только понял, что по каким-то причинам патруль стал винтить гопника. «Ну, так тебе и надо, урод!» — подумал Силин. Помимо своего желания он стал все глубже проникать в детали происходящего. Оказывается, свинчиваемый детина, по его словам, был инвалидом детства и имел право на психотропные лекарства, но вот именно этот документ с подтверждением такого права он показать-то и не мог, а у патруля не было доступа к соответствующей базе Банальная в целом история, — подумал Силин. Документы терять не надо! Отвезут в околоток, пробьют по базе и отпустят с миром, ну может не совсем с миром, а так для профилактики помнут бока Патрулю наконец удалось заломать гопника и надеть на его пухлые руки с неестественно белой кожей наручники. При этом бойцы чего-то перестарались, и стало видно, как из-под браслетов просочились рубиново-темные капли Рядовые подхватили повизгивающие тело, а начальник собрал и поволок за собой его вещи. Силин радостно потянулся, пока место напротив было еще никем не занято, и, вдруг, заметил у себя под левой ногой кусочек красного пластика. Он сразу понял, что это такое, и ему стало как-то гаденько и приятно одновременно. И вроде не его вина, и ничего подлого он не сделал, а все равно приятно, что так сложилось. Схватить карту и побежать за патрулем было бы по-честному, но наглый гопник так его выбесил, что не было никакого желания совершать гражданские подвиги. Да и место могли занять, а ехать еще хрен знает сколько. Силин, стараясь не привлекать к себе внимание, тщательно огляделся по сторонам. Первым делом он постарался определить возможных сообщников. Нельзя было исключить, что они попытаются каким-нибудь образом притянуть его к этой ситуации. Поэтому, чтобы избежать возможных наездов, он наступил на красную карту, и, хотя она лежала так, что вряд ли кто-то кроме него мог ее заметить, он затолкал карту еще глубже под сиденье. Все ехавшие с ним в одном отсеке пассажиры тщательно делали вид, что ничего необычного не произошло, при этом упорно избегая встречаться взглядами. А может по их меркам действительно ничего особого и не произошло? И только какой-то весьма странный мальчик лет одиннадцати немигающими глазами пристально смотрел на Силина. Эти большие немигающие глаза на худом, почти изможденном лице, казалось, проникали глубоко Силину в душу и видели все, что там творилось. У него возникло ощущение, что он физически ощущает этот странный хрустальный взгляд на себе, как будто чьи-то невидимые острые щупы пытаются проткнуть сквозь одежду его кожу. Ему настолько стало некомфортно, что он отвернулся от этого непонятного ребенка и усилием воли заставил себя уснуть. Дождь кончился, на железнодорожной платформе еще поблескивали лужи, и хоть уже заметно вечерело, солнце грело вполне по-летнему. Силин, несмотря на это, все равно как-то поеживался, вероятно, его слегка знобило после недолго сна в вагоне. Он огляделся, пытаясь понять, куда ему надо идти, чтобы выйти с платформы на привокзальную площадь. Сейчас бы скорее добраться до места его ночевки, чтобы уже завтра с утра можно было бы сделать и первую прикидку по происшествию. Вдруг он почувствовал, как его кто-то крепко берет за локоть.— Ну, что, фраерок, разговор к тебе есть, — просипело над ухом у Силина. Он попытался резко повернуться к говорящему, но внезапно ощутил, что его так же крепко схватили за другой локоть и потащили куда-то спиной вперед. В самом начале Силин просто удивился: только что, оглядываясь на платформе, он никого не видел, вообще он был уверен, что

вышел один из вагона. Внезапность происшедшего говорила о том, что его здесь уже ждали. Поэтому, не имея возможности оценить ситуацию в полном объеме, а также, не понимая ее дальнейшего развития, Силин решил ничего пока не предпринимать, потому что помнил о самом главном принципе выживания в критических ситуациях: никогда не делай того, что может потенциально ухудшить уже сложившееся положение.— Ну, рассказывай, как ты нашего Толюню мусорам слил? — Все так же противно продолжало сипеть у Силина над ухом. Он максимально сконцентрировался на ощущении захватов, пытаясь уловить, когда они начнут потихоньку слабеть. Тогда при удобном случае у него мог появиться какой-то шанс вырваться.— А кто такой Толюня? — Силин знал, что начинать разговор с самой, казалось бы, подходящей фразы, что он никого не сливал — это большая ошибка. Начать оправдываться, значит частично признать свою вину. — Как это кто такой? Ты что Толюню не знаешь? — Откуда мне его знать? Мне надо со всем поездом знакомиться?— Ты смотри, какой дерзкий! А ну приведите малого, сейчас мы все выясним, но если ты горбатого лепишь, то не взыщи! Силин вдруг ощутил какое-то движение вокруг себя. Его неожиданно развернули, и он увидел перед собой трех человек. Один из них был сутулый старик, с растрепанной седой бородой, бельмом на правом глазу. Левый же глаз отличался какой-то бездонной черной глубиной. Двое мужичков, стоявших рядом со стариком, были профессионально неприметны. Именно так выглядят люди, которым по разным причинам надо, чтобы на них не обращали внимания, либо чтобы не могли описать их внешность, если уж доведется кому-то попасться на глаза. Очевидно, Силин имел дело с хорошо подготовленной и слаженной группировкой минимум из пяти человек. Вряд ли они были вооружены, но геройствовать в ситуации с неопределенным распределением сил не входило в ближайшие планы Силина.— Ну, давай, Микитка, рассказывай, что видел — внезапно заговорил старик вполне молодым и глубоким баритоном. Из-за спины Силина вышел тот мальчик, который утомил его в поезде своим пристальным взглядом. Внезапно он совершенно беззвучно начал мелко перебирать пальцами обеих рук, расположенными на уровне груди, как будто плел мелкие кружева. При этом его губы беззвучно двигались в попытке донести до слушателей весь объем информации. Трое стоявших перед Силиным мужиков настолько были поглощены пантомимой мальчика, что практически не обращали на своего пленника внимания. Время от времени старик так же жестами что-то уточнял у ребенка, хотя его движения были не такие отточенные и быстрые как у собеседника. Через несколько минут беззвучного обмена информацией старик обратился к Силину:— Короче, когда Толюню винтили, ты сидел рядом. То, что не вписался, не твоя вина, за чужих обясона по вписке нет. Но вот чего я понять не могу, куда делась пилюлька ксива? Она у Толяна была, и он ее получил вполне по делу, кукуха у него была слабовата, протекала время от времени — Старик все время, что говорил, буквально ощупывал лицо Силина единственным здоровым глазом, пытаясь что-то разглядеть в нем.— Если ксива непаленая, так и чего страшного? Через два часа из любого околотка его отпустят без проблем, когда по базе пробьют. Меня чего здесь хватать? — Было бы так все просто, мы бы тебя не трогали. Груз у него был особый, очень нужный. Если его найдут, то присядет на шконку Талюня не по-детски, и потому интерес к тебе неспральный, а очень даже конкретный. Если ты из оборотней и отследил его, то прежде, чем прописать тебе отходной билет, ты нам все расскажешь, что знаешь, как на Толяна вышел, о ком еще разнюхал, где нам теперь шмона и щемилова опасаться. — Опять противно заскрипело над ухом у Силина.— Небось, дурь вез, малолеток травить? — как можно больше попытался иронии вложить в эту фразу Силин.— Жора, фонтан заткни! — старик осадил скрипуна. — Мы по дури не работаем. А что вез Толюня, не твое это дело. Ты уж извини, мы сейчас тебя по кармашкам прошерстим. Малой не видел, куда пилюлька делась, может ее Толюня прощелкал, а может она у тебя лежит? Старик кивнул, и Силин сразу ощутил, как чьи-то проворные пальцы побежали по его ногам, спине, животу, рукам, через несколько секунд не было такого места на его теле или одежде, которое бы не прощупали. Из обычного нагрудного кармана ловкие пальцы извлекли

бумажник Силина, где лежали все нужные для него ксивы, включая расчетные карты.— Старый, больше ничего, ты знаешь, от меня не спрячешь.— Ладно, знаю. Посмотрим, что у него в лопатнике лежит. По большому счету, ничего особого в бумажнике у Силина не лежало. Памятуя о конфиденциальности своей миссии, он предусмотрительно выложил все, что хоть как-то могло выдать его реальный статус. Но посреди различного рода пластиковых ксив и электронных карт, выданных на имя Тимофея Стаднюка, была одна особая, относящаяся к спецсредствам, карта — хлопушка. Ее брали опытные нюхачи, действовавшие под прикрытием, для того чтобы в случае чего подать сигнал бедствия с точными координатами своего нахождения. Достаточно было ее активировать, а для этого требовалось всего-то взять голый рукой за особую метку на поверхности, как примерно через 30 секунд микрочаряды, расположенные в карте, взрывались с ослепительной вспышкой и громким хлопком, тут же осыпая маркерными частицами все, что находится от карты в радиусе трех-четырёх метров. Одновременно происходящий со взрывом электромагнитный импульс моментально сообщал на все ближайшие станции сетевого слежения о подрыве хлопушки. В считанные секунды в ближайших околотках срабатывал сигнал тревоги, который обязывал дежурных топтунов и дуболомов мчаться к месту происшествия. Честно говоря, Силин не смог бы вспомнить хоть одного случая боевого применения хлопушки за последние лет десять. Но привычка носить ее с собой, въелась очень глубоко. И теперь он с замиранием дыхания смотрел, как узловатые пальцы кривого старика медленно вытаскивали карту за картой из бумажника, затем он ее долго осматривал, внимательно читая все надписи, и передавал одному из неприметных мужичков, стоящему справа от него, для дальнейшего изучения.— Выходит ты у нас Тимоха, морда как у скомороха — продолжая изучать внутренности бумажника, в полголоса пробубнил старик.— А вас как я могу называть? — обратился к старику Силин.— А мы с тобой знакомиться не будем. Или ты своими ногами пойдешь туда, куда шел, или окончишь здесь путь свой жалкий. По любому имена наши тебе без нужды — вновь включился скрипучий Жора, молчать которому, судя по всему, было просто невтерпёж. Но Силин ничего не успел ответить, с какой-то внутренней тоской и обреченностью он увидел, как старик достает из бумажника хлопушку. Выругавшись про себя, он заметил, что тот все-таки ее активировал. Дальше Силин уже знал, что будет происходить. План действий сложился молниеносно: стараясь сохранять спокойствие, он начал считать в обратном порядке от тридцати к нулю. Дойдя до десяти, он резко прыгнул назад, одновременно поворачиваясь через левое плечо. Оба конвоира, которые, судя по всему, так же были увлечены изучением документов Тимофея Стаднюка, не ожидали резких движений от подопечного и выпустили его без особого сопротивления. Последнее, что успел увидеть Силин — удивленный взгляд старика, который начал что-то говорить. Но ему уже было наплевать на всю эту скульптурную группу, изображавшую разные степени удивления и негодования. Силин кинулся вниз с платформы, прямо на пути и в бок — под бетонный настил платформы, которая козырьком чуть больше метра высотой нависала над землей. Юркнув под настил, он практически на четвереньках продолжил с максимальной скоростью двигаться прочь от того места, где должна была рвануть хлопушка. Как известно, в некоторых ситуациях время может уплотняться или наоборот растягиваться, точнее не само время, а наше ощущение его. Силину показалось, что пока он вырывался, прыгал с платформы и карабкался под ней, прошло уже чуть ли не полторы минуты, и он начал испытывать легкое удивление, что хлопушка все еще не взорвалась. Поэтому, когда у него за спиной вспыхнула яркая зарница, и спустя мгновение донесся резкий оглушающий звук, он испытал даже некоторое облегчение. По тому, как зазвенело в ушах, он понял, что не так уж далеко он успел отбежать от места взрыва. Блин, вернуться бы за бумажником, была первая мысль, которая мелькнула у него сразу после вспышки. Но здравый смысл, оставшийся неповрежденным от светошумового воздействия на организм, продолжил его гнать под платформой как можно дальше от эпицентра. Он знал, что неизвестные гопники, которые его досматривали, стоят, а может и лежат, в таком ошеломленном состо-

янии, что их можно долго еще не опасаться. А вот маркерные частицы не оседают после взрыва еще минуты три, поэтому все, кто оказываются в зоне их распыления, потом крайне легко и просто опознаются за счет особого сияния частиц в свете обыкновенных диодных лампочек. Именно поэтому Силин прыгнул под платформу, чтобы избежать этих меток, которые могли привести к провалу его миссии в первые же минуты по прибытию к месту преступления. Уже выбираясь из-под платформы через узкую тропку в зарослях кустов выше человеческого роста, Силин услышал топот и крики примерно в том месте, где сработала хлопушка. А быстро ребята примчались! Хорошо, что он не стал возвращаться за бумажником. Расстояние не позволяло ему услышать подробности, но, судя по всему, в тот момент, когда первые топтуны добежали, вся шайка-лейка еще находилась в состоянии ступора. Ну и славно, подумал Силин. Сейчас их скрутят, и минимум суток двадцать продержат в Тыкве, выясняя, почему сработала хлопушка. За двадцать суток он вполне сможет разобраться со своим заданием и благополучно свалить из этой дыры. Пользуясь наступившей вечерней темнотой, а также особенностями рельефа и зеленных насаждений, он как можно быстрее двинулся от полустанка к жилой застройке уездного центра.

Глава 3

На следующее утро после памятной рыбалки, Савва поднялся ни свет, ни заря, ибо план его действий на этот день как-то сам собой сложился в голове, и он был полон решимости претворить его в жизнь. Позавтракав остатками вчерашнего натюрморта и наскоро изобразив стакан горячего чая с лимоном, он начал собирать свои художественные принадлежности, ибо собрался ехать в уездный центр, хотя по графику дежурств на променаде его очередь наступала только через несколько дней. Успев к первому электробусу, идущему до уездного центра, он порадовался данному обстоятельству, потому как людей было меньше, чем посадочных мест, и поездку можно будет совершить в относительном комфорте. По крайней мере, никакая поселковая бабка, тянущая на уездный рынок огромные корзины всякой растительной хрени, не будет орать на него, что мольберт и ящик с красками занимает слишком много места в автобусе и ей негде разместить свои лукошки. Не прошло и часа, как электробус лихо затормозил на центральной площади уездного центра. Пассажиры с гомоном выкатились на пыльную поверхность пластоасфальта и рассредоточились по своим делам. Савва первым делом пошел домой. Это был его самый настоящий дом, именно дом, а не место жительства. Здесь он провел все свое детство, отрочество и раннюю юность. Отсюда он хотел как можно быстрее выскочить во взрослую жизнь и сюда же он потом возвращался при первой же возможности, ведомый щемящим чувством тоски по тем годам. Все остальное, где потом приходилось ему по мере необходимости обитать, он уже своим домом не считал. Потому что, как он понимал, его жизнь могла вполне сложиться примерно так же и без этих квартир, комнат, углов, времянок и т.д. А вот без этого самого первого и самого ему дорого, где до сих пор жили его самые близкие и родные люди — его родители Петр Дмитриевич и Александра Михайловна... Уже в электробусе, как это обычно бывало, его накрыла волна светлых и слегка грустных воспоминаний из детства. Нежный голос матери, которая будила его по утрам: «Саввушка, пора вставать!». Ее необыкновенно мягкие и теплые руки гладили его по бокам — они вместе так делали потягуши, когда мама его нежно гладила, а он потягивался и ощущал бездну счастливого удовольствия. Потом он вскакивал и бежал на балкон, чтобы успеть с отцом сделать утреннюю зарядку, которая неизменно заканчивалась в ванной холодным обливанием. В это время на кухне уже шипел чайник, поблескивала на столе огромными желтыми глазищами яичница, и стоял невероятный аромат от свежепожаренных сырников. Это были вкусы, ароматы, ощущения его счастливого детства. Нигде он потом не смог найти таких же вкусных сырников, никогда больше ни один женский голос не смог так ему сказать: «Саввушка, пора вставать!». Это были уже совсем другие отношения. После того как он окончательно ушел в самостоятельную жизнь, чувство близости с этой трехкомнатной квартирой в старом пятиэтажном, когда-то элитном доме стало несколько тускнеть. Скажем прямо, родителей он видел нечасто, предпочитая личным встречам, короткие разговоры по видеосвязи, поэтому домой он заходил крайне редко, хотя в уезде бывал раз в две недели, а то и чаще. Не то чтобы между ними были плохие отношения из-за каких-то обид детства, или более позднего времени. Просто ему было тяжело смотреть, как все меньше с каждым днем родители схожи с теми светлыми образами, что сохранились в его памяти, как все дальше они отдаляются от настоящего жизнелюбия и активности, присущих людям, полным сил, как все больше их обиход соответствовал этому гнусному слову «дожитие». Старость буквально обгладывала их, и он при каждой встрече видел новые приметы этого. Не в силах как-то противостоять таким процессам, он старался хотя бы реже с ними сталкиваться, ибо в глубине души чрезвычайно страшился того, что принято называть неизбежным. Мать, открывшая дверь, была искренне рада, хотя на лице читалось явное удивление от столь раннего визита почти что заблудшего сына. — Саввушка, ты чего так рано? Случилось чего? — Нет, ма, все в порядке, просто вот решил к вам заехать, а то давно не виделись. — Это там опять

этот придурочный робот? Гони его в шею, мать! — раздался резкий голос отца из зала, где он по своему обыкновению скорее всего просматривал новости из электронных газет. — Да что ты, Петя, какой робот! Савва приехал! — Вот елки! Чуть самого Савелия Петровича взашей не выгнал! Мать, давай, приглашай дорого гостя. Зная, что отец уже почти не ходит, Савва постарался быстрее пройти прихожую и короткий коридорчик, который вел в зал и на кухню. Одновременно он услышал, как отец с трудом встает с дивана, и тяжелыми шаркающими шагами идет ему на встречу. — Ну, здравствуй, сынок. — Отец, опираясь на трость, доковылял до входа в зал, протянул Савве морщинистую руку. — И тебе не болеть — Савва ответил на рукопожатие. — А какого ты робота гнать собирался? — Представляешь, повадился к нам рекламный бот мозги полоскать, типа купите криптовалюты, чтобы старость обеспечить! — Ну а вы чего? Надеюсь, не купили? — Савва, на нашу пенсию только криптовалюту покупать! Да и на кой хрен она нам сдалась? Ну, что позавтракаешь с нами? — Спасибо, есть особо не хочу, а вот чайку бы попил. — Мать, ну чего застыла, давай, иди, ставь чайник, дорого гостя сейчас угощать будем, ну, пошли на кухню, там и поговорим. Едва преступив порог родной квартиры, Савва ощутил прилив не только воспоминаний, но и былых звуков, запахов, ощущений. Например, он тут же ощутил под ногой неровную половицу, которая была пятой от входной двери. Ему в детстве постоянно казалось, что прежние хозяева спрятали под ней огромный клад, потому и половица стала так выделяться. Но родители только смеялись над ним и категорически запрещали приносить вполне сносный пол в жертву его фантазии. Он просто погрузился в то время, в то светлое время, когда каждый день был в радость, а счастье было неотъемлемым атрибутом жизни. Уже много лет спустя он как-то вдруг осознал, что если, когда и жил полной грудью, то это происходило именно в то время. Потому что все пути, все возможности этого огромного мира были перед ним открыты. И одним из самых его любимых занятий тогда было улетать в пространства своих мечтаний, где он предавался безграничным фантазиям, навеянными прочитанными книгами: то он становился покорителем космических далей, которому выпала редкая удача найти разумные формы жизни, то он воплощался в неуязвимого борца с преступностью, наделенного сверхспособностями, или в образе гениального ученого открывал формулу всеобщего счастья. И ведь по большому счету, любая из этих фантазий в принципе могла быть реализована, по крайней мере, он мог бы посвятить свою жизнь одному из этих путей. Но проблема была в том, что путей этих заманчивых и притягательных было слишком много, и выбрать что-то одно было свыше его сил. Это уже потом, погружаясь в суровую реальность бытия, он стал вдруг замечать, что количество вариаций его будущей жизни странным образом становится все меньше, что-то из былых мечтаний стало уходить в прошлое с пометкой «неисполнимо». Однажды он осознал: выбирая что-то конкретное, он в тоже время лишался других возможных вариантов. Что-то обретая, приходилось безвозвратно терять многое другое. Отсечение возможностей — такова суть жизни. И тогда он понял, что такое старость, и в чем ее настоящая жуть: из всех возможных путей, по сути, остается только один, ведущий к финалу. Глубоко внутри он был убежден, что пока его родители здесь, с ним, он еще до конца не ушел из того светлого и счастливого времени, когда он чувствовал свою абсолютную защиту, когда с ним были те, кто всегда мог его понять, поддержать и в любой ситуации помочь всем чем можно. А самое главное, что он всегда может вернуться в то время, хоть как-то, хоть на пару секунд, просто переступив порог своего дома. На кухне почти все было по-старому, все на своих местах, так же ослепительно чисто, как и всегда. Родители, бывшие врачами в 5 поколении, обладали крайней нетерпимостью к любым проявлениям грязи и неряшливости, что было камнем преткновения в их взаимоотношениях с сыном, который этого качества, прямо скажем, не унаследовал. — Сынок, а, может, я тебе сырников сейчас быстро пожарю? — спросила мать, наливая чай в его кружку (кружка стала его в какие-то незапамятные времена и до сих пор блюла верность). — Не надо, я действительно не хочу есть. — Как у тебя дела? — Отец уселся за кухонным столом напротив Саввы: — Что делаешь? — Да в целом, нормально,

заказы бывают, картины расходятся, на жизнь хватает.— Как здоровье? Ты диспансеризацию когда проходил?— Мам, ну какая у нас в поселке диспансеризация? У нас один фельдшер, он же акушер и ветеринар! — Ваш поселок — это да! Центр современной медицины! Мог к нам на периферию в уездную поликлинику заглянуть, все бы польза была. — Со свойственной ему иронией в разговор включился отец.— Да все нормально! Нет у меня времени по три часа в поликлинике сидеть, старых бабок в очередях слушать!— А чем это вы так серьезно заняты, позвольте поинтересоваться, что времени на собственное здоровье не хватает? — Отец при первой же возможности становился крайне язвительным, что раньше просто бесило Савву, и он быстро терял спокойствие и начинал психовать, переходя на повышенные тона в разговоре. Но это было раньше.— Батя, есть дела, заказы, подряды, личная жизнь опять же— Ну, если личная жизнь, то это все оправдывает! Тогда времени действительно ни на что не хватает.— Ладно, че ты со своей диспансеризацией пристал! Вы-то сами как?— Мы вроде ничего, все как обычно. Я еще ничего, в поликлинику иногда зовут по старой памяти проконсультировать какой-нибудь особый случай, а вот отец уже почти из дома не выходит, ноги...— Так, Зая, хватит жаловаться. Нормальные у меня ноги. Сейчас пройду курс терминального восстановления и мы еще вальс станцуем!— Чего о Люське слышно? — достаточно холодно поинтересовался Савва о старшей сестре. Она пошла по родительским стопам, стала врачом, и потому родители так часто ставили ее в пример, что, честно говоря, серьезно ослабили родственные чувства.— Да ничего, вот ждем, через неделю приедет к нам в гости, внуков привезет хотя бы на конец лета. — Ответила мать, разливая чай. — Там у нее сейчас ремонт в медицинском центре заканчивается, говорят, что ее рассматривают на главврача после ремонта, вот приходится крутиться, даже от отпуска отказалась в этом году.— Это хорошо, что ты к нам заехал сейчас, — прокашлявшись, сказал отец.— А в чем дело? — По многозначительному кашлю отца Савва понял, что его ждет какой-то серьезный, а потому не вполне приятный разговор.— Ты уже взрослый мальчик и должен понимать, что нам недолго остается, поэтому надо решить некоторые вопросы.— Батя, да прекрати ты себя раньше времени хоронить! Вы еще на свадьбе своих внуков погуляете!— Ну, твоих-то мы точно уже не дождемся. Как бы то ни было, к неизбежному надо готовиться, ибо оно неизбежно. Мы уже в том возрасте, когда время приходится ценить.— Да, сынок, ты не спорь с отцом, мы с ним долго говорили на эту тему.— На какую именно?— Понимаешь, вот так сложилась жизнь, что ничего мы не нажили кроме этой квартиры и утвари, что тут накопилась. Не в традициях рода Игнатьевых копить золото-серебро, не для того мы людей лечили. И мы очень гордимся, что вы с Людмилой в нашу породу пошли. Хоть ты и вовсе балбесом уродился и вместо настоящего дела непонятно чем промышляешь, а уже то, что не ворует и живешь честно, нас это с матерью очень радует. — Ну, наконец-то и во мне вас что-то радует!— Так вот, — отец предпочел не реагировать на явную колкость. — По нашим временам это жилье тоже кое-чего стоит и нам с матерью не хотелось, чтобы потом вы из-за него стали бы с Людмилой судиться. Мы и так виноваты, что не смогли у вас сформировать родственные отношения, живете как чужие. Так еще не хватало, чтобы вы потом вообще разругались.— Чего нам с ней делить? Отношения у нас нормальные, просто мы с ней разные люди, в разных мирах живем. Она карьеру делает, я картины рисую.— Вот именно, она карьеру делает, и не за чем ее осуждать за это! — когда разговор касался больной темы, отец всегда начинал нервничать и повышать голос. — Она карьеру не для себя делает, а для других, чтобы людей лечить! Она талант, она таких больных на ноги ставила, что я просто не поверил, если бы сам не видел! И нечего её попрекать должностями. Я почти тридцать лет отслужил главврачом уездной больницы и мне не стыдно смотреть людям в глаза! А вот твои картины они хоть кому-то жизнь облегчили?— При чем тут мои картины? Холст — это не пластырь, его на мозоль не приклеишь. — Петр, ты чего разошелся? — Мать, когда ей надо было урезонить отца, всегда называла его полным именем, и, как правило, это вполне помогало. — Живопись, как и любое другое искусство, просто необходима для полно-

ценной человеческой жизни! — Ладно, извини, Савелий, что-то я действительно погорячился. Но меня огорчает, что по большому счету ты все-таки живешь только для себя, ты даже семью не создал! Занимайся ты своей живописью, кто против? Но разве то, чего ты сегодня добился, — это предел твоих возможностей? У тебя никогда не возникало вопроса, а что я оставляю в этом мире после себя? — Отец, я не хочу об этом говорить. Я живу, как могу. Создавать семью только потому, что так положено, я не буду. А на счет квартиры, мне ничего не надо. Живите долго, так долго как сможете, вот и все. У Люськи трое детей, пусть себе берет, можете на нее все полностью оформить. У меня уже есть домик в поселке, мне хватает. Родители переглянулись. Как люди, суммарно прожившее вместе гораздо больше, чем врозь, они давно научились понимать друг друга без слов. В этих взглядах читалось и явное облегчение, и некоторое удивление. Все-таки они полагали, что оставляемая детям в качестве наследства недвижимость, вполне ценная вещь, чтобы чувствовать, что их родительский долг выполнен до конца, в полном объеме. Поэтому быстрый ответ Савелия даже вызвал легкую, чуть кольнувшую обиду. — Сынок, ты бы не торопился, подумай. А то сегодня такое настроение, завтра другое, не горячись. Мало ли что завтра может произойти. Пойми, нам будет гораздо легче, если мы все заранее уладим. — Хорошо, мы все уладим, только чуть позже. Я вас сейчас усажу как надо, чтобы вы мне попозировали для семейного портрета, и пока я буду делать наброски, мы все и уладим. Они перешли в зал. Где Савелий долго их усаживал на диване. — Так ты уже рисовал семейный портрет, года три назад, помнишь? — Такого я еще не рисовал. — Мать, мы же не так сильно постарели вроде? — Дорогие мои, ну вам же это будет не трудно посидеть на диванчике вместе часа полтора? — почти взмолился Савва. — Ну, если тебе это так надо — Я думаю, вам это тоже пригодится, — вполголоса пробурчал Савва, выстраивая экспозицию фона, на котором он собрался запечатлеть семейную пару. — Я только, если наш уважаемый портретист не против, возьму книжку в руки, чтобы уж совсем время зря не терять. Вздумалось мне классику перечитать, а то полное собрание сочинений стоит, а раньше все времени не было. — И что ты читаешь? — спросил Савва, устанавливая мольберт. — Моего любимого Тимофея Рогожина. Столько лет назад было написано, а как современно звучит! Настоящее произведение искусства всегда находится вне времени. — Может быть, мне он показался крайне многословным и нудным, особенно когда в школе проходили. Просто тоска какая-то. Пока от начала предложения доберешься до его конца, уже забываешь, что было в начале. — Ну, положим, я вообще не помню, чтобы ты что-то читал, хоть в школе, хоть после. А поскольку ты у нас все-таки не дурак, я уверен, что у тебя просто другой принцип восприятия. — Да, сынок, ты визуал, тебе свойственно воспринимать информацию цветными образами, красками, светом и тенью, чем больше слов, тем тяжелей тебе понимать смысл. Во времена твоего деда был даже специальный термин — клиповое мышление, это пока не ограничили интернет и всю остальную мультимедию. — Добавила мать, усаживаясь на диван рядом с супругом. — Ладно, мы это еще успеем обсудить. Теперь постарайтесь особо не менять позы — А говорить-то можно? — Это сколько угодно! Савва взял грифель и стал легким движением руки набрасывать контуры будущего портрета. — Кстати, а если бы сейчас снова стали молодыми, вы бы чем занялись? — Это типа как бы я прожил жизнь, если бы мог прожить ее во второй раз? — переспросил отец. — Нет, не так. Вот представь, ты сейчас вдруг становишься молодым, ты что делал бы? — Ну не знаю даже Я ничем кроме медицины не занимался. — То есть ты бы пошел опять работать в больницу? — Вряд ли, все-таки наука уже вперед ушла, да и место чужое не хочется занимать — Петя, ну что ты говоришь! Наш опыт, наши навыки всегда будут нужны! — Аля, да хватит, отработал я уже свое. Что мы с тобой видели в этой жизни кроме больницы? Вон дети выросли, а как, даже не заметили. И вообще, что мы сейчас вспомнить можем кроме ночных дежурств и каких-нибудь экстренных случаев? — Петя, ты хочешь сказать, что мы зря прожили жизнь? — Ну, нет, конечно, же, не зря. Я о другом: мы с тобой заслужили, понимаешь, заслужили как-то по-особенному прожить то, что осталось нам, но только что нам остается, кроме этого дивана

и льготного интернета?— Папа, так вот я об этом и спрашиваю, если бы сейчас была возможность, ты бы чем занялся?— Сын, даже не знаю Я, наверно, путешествовать бы принялся! За все время кроме губернского центра нигде не был. А сейчас смотрю интернет: сколько красивейших мест есть на белом свете, а вот своими глазами уже увидеть не доведется!— Петя и все равно, мы с тобой прожили достойную жизнь!— Аля, ну кто же с этим спорит! Но скажи, разве ты бы не хотела постоять на берегу океана и полной грудью вдохнуть соленый воздух?Мать с отцом продолжили обсуждать эту тему, он особо не вслушивался, хотя старался не пропускать те моменты, когда ему полагалось что-то вставить от себя, показывая, что он участвует в общей беседе. Впрочем, попадать удавалось не особо четко, но мать с отцом в глубине души счастливые, что сын вдруг решил им уделить столько времени, старались не обращать внимания на то, что некоторые фразы он иногда вставлял невпопад. Савва уже давно перешел к постели, и теперь вдохновенно клал разноцветные сочные штрихи на картон, собирая единство целого изображения из разнообразия мелких деталей.Первым странные метаморфозы заметил отец, когда все-таки решил заняться чтением книги, после того как неспешный семейный разговор все-таки исчерпал себя:— Мать, ты мои очки случайно не трогала? — с легким подозрением обратился он к супруге.— Петя, ты знаешь, что я всегда пользуюсь исключительно своими. А в чем дело?— Ничего в них не вижу, хоть убей, буквы расплываются! А еще вчера все блоги в них перечитал— Надо же так сильно зрение упало, тебе опять бы к окулисту сходить...— Аля, и что он мне скажет? Годы, возраст, нормальная картина для Ваших лет, капельки, поменьше читайте Я сам могу вместо этого окулиста рецепты выписывать!— Петя, да, уже годы, а что ты хотел? Возьми мои попробуй, может подойдут хотя бы на время?— Нет, в твоих еще хуже! Ну, на тебе, одна радость была — почитать что-нибудь и та накрылась!— Я тебе почитаю вслух, пока новые очки не справим.— Аля, ну вот как ты себе это представляешь? Я лучше тогда сетевое радио буду слушать!— Батя, а ты попробуй без очков почитать. — Подал свой голос из-за мольберта Савва.— Ага, вот и любимый сынок голос подал, а я-то думаю, чего я еще не услышал по случаю ухудшения зрения! Ладно, начитался на сегодня.Он взял книгу, загнул вместо закладки уголок листа, захлопнул ее и погладил рукой по корешку. Внезапно что-то напечатанное на этом корешке привлекло его внимание. Удивленно уставившись в эту точку, он буквально подзавис на какое-то время, пытаясь что-то осмыслить. Затем он распахнул книгу и начал листать ее вперед, назад, делая это все быстрее, он вдруг что-то принялся бормотать себе поднос, чем привел в немалое изумление свою супругу. Затем он бросил книгу и потянулся за планшетом со вчерашними газетами. Загрузил одну из них, нашел объявления, которые помещались внизу страницы самым мелким шрифтом, стал водить пальцем по строчкам, при этом беззвучно шевеля губами. Так прошло несколько минут, при этом удивление Александры Михайловны увеличилось на столько, что она буквально не знала, что ей делать.— Дорогая, а тебе попадались в медицинской литературе случаи самопроизвольного восстановления зрения? — Спросил отец, не отрываясь от планшета с газетой.— Наверно такие случаи есть, надо поискать, если хочешь, я запрошу по интернету подборку из областной научной библиотеки.— Ага, запроси, запроси, конечно. Интересно, а вследствие чего такое может произойти? — Ответил он несколько рассеяно, потому что по-прежнему не отрывался от планшета. Он, то подносил его почти к самым глазам, то отодвигал на максимально возможное расстояние, тестируя свое зрение.— Ну, не знаю, вероятно все зависит от первоначального диагноза, как проходило лечение, может, были ошибки на одной из стадий, иногда бывает побочное воздействие от системных препаратов, да мало ли что может быть, пойди разберись.— Алечка, какие диагнозы, какие препараты! Возрастное изменение зрения — это возрастное изменение зрения! Ты знаешь не хуже меня. А я сейчас вижу так, как будто мне лет тридцать пять не больше!— Петя, этого не может быть!— А я тебе про что! Но ведь вижу!Они удивленно замолчали, уставившись друг на друга.Вдруг заиграла тихая и нежная мелодия, мать встала и легко закурилась по комнате. Внезапно отец легко поднялся с дивана и с изящным полупоклоном

обратился к ней:— Мадам, позвольте Вас ангажировать на танец!— Ах, конечно же, с превеликим удовольствием!И они медленно кружили по комнате, тщательно обходя мебель, пока мелодия не кончилась и не началась другая. Тогда они осторожно помогли друг другу усесться на диван и в немом удивлении стали внимательно осматривать окружающую обстановку и друг друга. Они чувствовали, что что-то меняется, но не могли никак понять, что именно, и как это выразить словами. Первым в себя пришел отец:— Надо же шкатулка заиграла!Лет восемьдесят назад, а то и более, как только проецируемые голографические картинки стали входить в жизнь, появился очень модный сувенир: музыкальные шкатулки, над крышками которых возникали или объемные языки почти настоящего огня, или забавные фигурки, или еще что-нибудь, на что хватало фантазии у производителей. Эту шкатулку подарил еще Саввин дед по отцовской линии, когда сватался к его бабке. Потом она много лет забавляла их детей, а спустя несколько десятков лет ею заглядывался Савва, получая необъяснимое удовольствие от сочетания картинок с музыкой. Потом, когда бабушки не стало, как-то очень быстро перестала играть ее любимая шкатулка. Починить не удалось: не было нужных деталей и мастеров, которые могли бы в ней разобраться, но ни у кого не поднялась рука выбросить ее на свалку.— Петя! О чем ты? Какая шкатулка! Ты же сколько лет не то, что танцевать, ходить нормально не мог из-за артроза!— Судя по всему, артроз так же рассосался, как и близорукость. Просто невероятно. Невěřоятно и удивительно!— Петя! Я тебе поражаюсь! Происходит черте что, а ты спокоен?!— А что такого особенного случилось? Ты почти 10 лет отработала заведующей реанимацией, ты там ничего странного не видела? Такого, что наука объяснить не может?— Не 10 лет, а 12, пока тебя не назначили главврачом больницы Я там много чего видела, но такого — Она беспомощно посмотрела на сына и на мужа. — Надо срочно сообщить куда-нибудь может в областную больницу?— В Академию медицинских наук! Сразу! Чего мелочиться?— Петя, я же вполне серьезно говорю. В этом необходимо разобраться! Надо хотя бы начать дневник наблюдения за состоянием пациентов— И что ты будешь там фиксировать, в этом дневнике? Кто сколько раз на горшок сходили и характер стула?? У нас кроме градусника и тонометра нет ни одного прибора!— Мы же с тобой врачи, как можно оставить без исследования такое необъяснимое явление? — Вот именно, Алечка, мы с тобой врачи, а потому знаем, что к врачам ходят больные, а мы теперь чудесным образом стали практически здоровы. И как это будет выглядеть? Доктор, вы знаете, мы ничем не бодем, вылечите нас от этого?!— Но разве тебе даже не любопытно, что с нами случилось? Как это могло произойти?— Дорогая, теперь, когда случилось такое чудо, и я могу читать без очков и танцевать без костылей, что-то мне подсказывает, что разобраться в этом феномене, далеко не самое важное! Вопрос в другом, как мы сможем использовать этот невероятный и чудесный шанс.— Мамуля, и в самом деле, чудо — это то, что невозможно объяснить с точки зрения известных законов природы, а раз невозможно, так и чего время тратить? Живите полной грудью и наслаждайтесь жизнью! — До этого момента Савва не решался вклиниться в горячий спор родителей.— Вот, Аля, послушай внимательно своего сына, он хоть и не врач, а дело говорит: жизнью надо наслаждаться! Давай сегодня сгоняем на озеро, на наше место, искупнемся? Мы ведь там уже лет сто не были!— Я все равно полностью с вами согласиться не могу, просто надоело спорить. Хорошо, Петя, давай действительно поедem на озеро. Саввушка, ну ты хоть покажи, что у тебя получилось.— Я вам его дарю, если захотите, потом повесите где-нибудь.— Петруша, ты только взгляни, как здорово, он нарисовал нас помолодевшими, как будто знал, что произойдет сегодня. Отец как-то шумно выдохнул пару раз, Савва понял, что у него перехватило дыхание, и чтобы голос предательски не дрогнул, выдав его истинные чувства, он попытался с помощью дыхательной гимнастики отогнать комок от горла. Было видно, что портрет ему явно понравился.Он не стал объяснять родителям природу всех чудесных превращений и изменений, опасаясь, что на это ушло бы просто огромное количество времени, а у него на сегодня еще были дела. Но когда наступило время прощаться с родителями, отец в который раз удивил Савву своей проница-

тельностью:— Сдается, Савва, что в сегодняшних чудесах ты как-то замешан. Нет, объяснять мне ничего сейчас не надо. Если вдруг это так, то на всякий случай, будь осторожен. Не рисуй, что попало. Отказавшись от обеда, Савва наскоро собрал принадлежности и выскочил в маленький колодеобразный дворик, который он пересек несколькими широкими шагами, и оказался на улице. Он огляделся, и пошел в сторону парка, который начинался через метров двести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.